

А. П. Лебедев

**Из истории нравственного
состояния духовенства от II
по VIII век**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. П. Лебедев**
Из истории нравственного состояния духовенства от II по VIII век / А. П.
Лебедев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-458-55833-4

ISBN 978-5-458-55833-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ринескій, Иринеи Ліонскій, съ полною готовностію и преданностію отдававшіе себя на служеніе церковнымъ интересамъ,—какъ Кипріанъ Кареагенскій и Діонисій Александрійскій, которые жили одною нераздѣльною жизнію съ церковію и доблестно служили своему назначенію. Укажемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, которые бы съ ясностію показывали, какихъ доблестныхъ пастырей имѣла церковь этого времени. Примѣры, на которые мы укажемъ, малоизвѣстны, но зато они внушительны, поучительны и, пожалуй, трогательны. Епископъ Кесаріи палестинской Θεοτεκνъ въ гоненіе Валеріана (Галліена?) заявилъ себя при одномъ случаѣ человѣкомъ, въ высшей степени заботливымъ о твердости вѣры одного изъ своихъ пасомыхъ. Евсевій вотъ какъ рассказываетъ о событіи. Одинъ военачальникъ, именемъ Маринъ, по исповѣданію христіанинъ, долженъ былъ получить за свои военныя заслуги знакъ отличія—виноградную вѣтвь; но какой то завистникъ донесъ на Марина, что этотъ, какъ христіанинъ, не можетъ получать никакихъ отличій. Обвиненный потребованъ былъ на судъ; судьи, узнавъ, что онъ дѣйствительно христіанинъ, дали ему три часа на размышленіе: желаетъ ли онъ оставаться христіаниномъ, или рѣшится отречься отъ Христа, въ первомъ случаѣ ему угрожаетъ казнь. Въ эту-то рѣшительную минуту мѣстный епископъ Θεοτεκнъ является на помощь Марину. Неизвѣстно, какъ узналъ епископъ о случившемся на судѣ съ Мариномъ: отъ другихъ-ли, или самъ былъ здѣсь и узналъ о положеніи его. Какъ бы то ни было, но епископъ не оставилъ безъ благовременной помощи несчастнаго. Онъ вышелъ на встрѣчу Марину, взялъ его за руку, завелъ съ нимъ бесѣду и увлекъ его въ церковь. Здѣсь въ виду святилища, онъ вдругъ откинулъ плащъ у военачальника, и указывая одною рукою на мечъ, висѣвшій при немъ, а другою рукою на Евангеліе, велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ—мечъ или Евангеліе. Маринъ простеръ руку къ Евангелію и тѣмъ далъ знать, что онъ лучше умереть, чѣмъ оставаясь военачальникомъ, отречется отъ вѣры. Пастырь выполнилъ свой долгъ съ такою предупредительностію, которая справедливо вызываетъ у историка Евсевія полную похвалу ¹⁾). Пред-

¹⁾ Кн. VП, гл. 15.

ставимъ другой примѣръ, рассказанный намъ тѣмъ же Евсевіемъ ¹⁾, примѣръ, показывающій, съ какою необычайною ревностію пастыри тѣхъ временъ заботились о чистотѣ вѣры и правильности религіозныхъ убѣжденій пасомыхъ. Въ Египтѣ въ арсиноискомъ округѣ епископъ Непотъ распространилъ въ обществѣ вѣрующихъ хиліастическія идеи, написалъ въ разъясненіе этого ученія книгу, а потомъ умеръ. Когда стало извѣстно о распространеніи такого ученія Діонисію александрійскому, онъ предпринялъ путешествіе въ арсиноискій округъ. Прибывъ сюда, онъ созываетъ всѣхъ пресвитеровъ и поселянъ, ведетъ съ ними бесѣду. Въ продолженіе трехъ дней разбираетъ съ ними книгу Непота. Внимательно выслушиваетъ возраженія, отвѣчаетъ на нихъ. Въ иныхъ случаяхъ не стыдится соглашаться со спорившими и уступать имъ, когда дѣло касалось вещей несущественныхъ. Такой трехдневный диспутъ архипастыря съ пасомыми имѣлъ самый счастливый успѣхъ: тѣ, кто прежде упорно держались хиліазма, отказались отъ заблужденія, заявивъ Діонисію, что не будутъ впередъ ни держаться, ни защищать, ни проповѣдывать подобнаго ученія. Вотъ примѣръ того, какъ доблестные пастыри первенствующей церкви понимали свои обязанности и какъ старались служить пользѣ своихъ пасомыхъ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы страницы первоначальной исторіи христіанской церкви всегда повѣствовали объ отрадныхъ явленіяхъ въ сферѣ нравственныхъ отношеній духовенства. Вторая половина III вѣка въ особенности не бѣдна примѣрами пастырей со свойствами предосудительными, пастырей нерадивыхъ, себялюбивыхъ, корыстолюбивыхъ, злохудожныхъ.

Случалось и случалось нерѣдко, что пастыри этого времени мало слѣдовали тѣмъ образцамъ святой ревности, какая отличала пастырей II и начала III вѣка. Уже Кипріанъ, писатель середины III вѣка, въ нерадушныхъ краскахъ рисуетъ пастырей африканской церкви своего времени. „Весьма многіе епископы, жалуется Кипріанъ, переставъ заботиться о Божественномъ, стали заботиться о мірскомъ; оставивши катедру, покинувши народъ, они скитаются по чужимъ обла-

¹⁾ Кн. VП, гл. 24.

стямъ, стараясь не пропускать торговыхъ дней для корыстной прибыли, и когда братія въ церкви алчутъ—рѣчь идетъ о бѣдныхъ—они, увлекаемые любостыжаніемъ, коварно завладѣваютъ братскими, т. е. церковными, доходами, и давая чаще въ займы, увеличиваютъ свои барыши“. Укоряя ихъ за корыстолюбіе, Кипріанъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ со-временныхъ ему африканскихъ священнослужителей и въ другихъ порокахъ, нетерпимыхъ въ предстоятелѣ церкви. „Незамѣтно стало, говорить онъ, въ священникахъ искренняго благочестія, въ служителяхъ чистой вѣры, въ дѣлахъ милосердія, въ нравахъ благочинія“¹⁾. Изъ сочиненій того же Кипріана видно, что для иныхъ самое принятіе сана духовнаго было не болѣе, какъ средствомъ проводить жизнь въ довольствѣ и веселіи. Кипріанъ говоритъ: „они (рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ изъ числа епископовъ) ищутъ прибыли, приношеній и корысти, за которыми и ранѣе (до принятія сана) ненасытно гонялись; они жаждутъ и нынѣ пресыщеній и пиршествъ, этимъ весьма ясно показываютъ, что они служатъ не благочестію, а своему чреву и любостыжанію съ постыдною жадностію“²⁾. Примѣры пастырей, не отличавшихся нравственными достоинствами, можно находить въ это время и въ другихъ мѣстахъ. Оригенъ, житель по преимуществу Александріи, безъ сомнѣнія имѣя въ виду нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ и прочій клиръ, говоритъ много непохвального о духовенствѣ своего времени. Онъ находитъ, что церковь была осквернена, какъ оскверненъ былъ храмъ іерусалимскій во времена Христа,—куплею и продажею. Оригенъ усматриваетъ въ духовенствѣ влеченіе къ мірскимъ интересамъ и любовь къ наживѣ. Этотъ писатель говоритъ: „если Христосъ справедливо оплакивалъ Іерусалимъ, то тѣмъ понятнѣе, что Онъ плачетъ о церкви, которая, вмѣсто дома молитвы, превратилась въ разбойничью пещеру вслѣдствіе жадности и роскоши нѣкоторыхъ христіанъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежатъ и главы народа Божія“. Оригенъ призываетъ Христа снова придти и бичемъ своего гнѣва очистить христіанскую цер-

¹⁾ Св. Кипріана. Творенія его въ русск. перев. Томъ 2 (Книга „О падшихъ“), стр. 151. Кіевъ, 1891.

²⁾ Тамъ же. Томъ 1 (письмо 45), стр. 244. Кіевъ, 1891.

ковъ отъ торжниковъ ¹⁾. Онъ жалуется на развитіе деспотизма въ церкви, ибо епископы перестали быть рабами Христовыми, а сдѣлались въ церкви какъ бы господами. Они забыли заповѣди Христа о снисхожденіи ко всѣмъ, о кротости, съ какою они должны научать противляющихся, о томъ, что они должны поддерживать и ободрять слабыхъ. Далѣе, разбирая изреченіе: „ѣсть и пѣть съ пьяницами“, онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы обличить духовенство его времени. Онъ говоритъ, что тѣ, кому поручены попеченія о насыщеніи алчущихъ — пастыри — сами пиршествуютъ съ пьяницами и позволяютъ себѣ другое подобное. Оригенъ угрожаетъ такимъ лицамъ страшнымъ судомъ и геенной ²⁾. Тотъ же Оригенъ обличаетъ діаконѳъ своего времени за то, что они принимая участіе въ управленіи церковными сокровищами, пользуются этими послѣдними для личной выгоды: въ видахъ собственнаго обогащенія, они отдавали церковныя деньги на проценты, превращаясь въ ростовщиковъ ³⁾. Историкъ Евсевій съ своей стороны дѣлаетъ самый неслестный отзывъ о всѣхъ епископахъ конца III вѣка. Характеризуя это время, онъ говоритъ: „мнимые наши пастыри, презрѣвъ законъ христіанскій, воспламенились взаимными распрями, умножали только одно—раздоры и угрозы, зависть, вражду одинъ противъ другаго и ненависть, и сильно домогались первенства, желая обладать безграничною властію. Впрочемъ не наше дѣло, замѣчаетъ онъ, передавать потомству память о несогласіи пастырей между собою и о постыдныхъ ихъ поступкахъ“ ⁴⁾.—Теперь вопросъ: отчего зависѣла такая порча нравовъ въ духовенствѣ III вѣка? Оставляя до времени болѣе обстоятельныя разъясненія (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), въ настоящій разъ лишь замѣтимъ, что главною причиною было то, что въ третьемъ вѣкѣ пастырское служеніе уже перестаетъ быть призваніемъ, а до извѣстной степени дѣлается выгодною профессіею.....

Частный, но замѣчательный примѣръ испорченности ду-

¹⁾ Origenis. In Matth. homil. 16. Edit. Huet. Oper. III, 750. 753.

²⁾ Origenis. In Matth. 61. 62. De la Rue. Vol. III, p. 878. 880.

³⁾ Helle. Das kirchliche Vermögen bis auf Constantin Gr. S. 48. Paderborn. 1878.

⁴⁾ Церк. исторія, ки. VIII, гл. 1—2.

ховенства III вѣка представляетъ извѣстный Павелъ Самосатскій, епископъ богатой Антіохіи, судимый и осужденный соборомъ епископовъ около 270 года. Окружное посланіе этого собора, сохраненное Евсевіемъ, не находитъ достаточно словъ, чтобы описать всѣ его продерзости. Такъ окружное посланіе въ рѣзкихъ выраженіяхъ описываетъ гордость, кичливость и пышность Павла. „Онъ высокоумдрствовалъ, говоритъ посланіе, и превозносился, облакаясь въ мірскія отличія; съ какою гордостію окруженный спереди и сзади множествомъ копненосцевъ, ходилъ онъ по общественнымъ площадямъ“ ¹⁾. Извѣстно, что Павелъ принялъ на себя въ Антіохіи свѣтскую должность „дученарія прокуратора“; какъ видно, эта должность до такой степени надмевала Павла, что онъ вовсе забылъ, что будучи епископомъ, онъ долженъ быть украшенъ достоинствами скромности и кротости. Посланіе указываетъ, что самыя церковныя собранія Павелъ превращалъ во что-то въ родѣ театра. Онъ, по словамъ посланія, устроилъ себѣ въ церкви каедрю и высокій престолъ, ударялъ себя рукою по бедру, конечно, когда говорилъ проповѣдь, и топалъ ногами на каедрѣ, порицалъ тѣхъ, кто не махали ему платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали“. Какъ открывается изъ этихъ словъ, Павелъ на богослужебныхъ собраніяхъ держалъ себя не соотвѣтственно своему назначенію, хотя есть основанія полагать, что онъ былъ искуснымъ проповѣдникомъ. Въ посланіи есть также указанія на такія преступленія Павла, которыя съ перваго взгляда представляются непонятными; и только вглядываясь въ тогдашнее состояніе церкви, мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Такъ здѣсь говорится: „бывъ сперва бѣднымъ, не получивъ никакого имѣнія отъ предковъ и не пріобрѣтши его какимъ либо ремесломъ или занятіемъ, нынѣ онъ сдѣлался чрезмѣрно богатъ, посредствомъ противозаконныхъ дѣйствій, святотатства и того, что вынуждалъ отъ братій насиліемъ и угрозами; изгонялъ, говорится далѣе, съ безчестіемъ обиженныхъ или, обѣщая помощь имъ, потомъ обманывалъ ихъ, такъ что истцы оставались безъ выгоды, слѣдовательно—замѣчаетъ посланіе—онъ считалъ вѣру за промыселъ“. Ясно, что здѣсь

¹⁾ Церк. исторія, кн. VII, гл. 30.

идеть рѣчь о какомъ то судѣ, которымъ злоупотреблялъ Павелъ, дѣлая изъ него источникъ корыстолюбивыхъ пріобрѣтеній; видно, что судъ, о которомъ говоритъ посланіе, имѣлъ характеръ религіозный, потому что въ документѣ замѣчается: Павелъ „вѣру обратилъ въ промыселъ“. Какой же это судъ разумѣется здѣсь? Для разъясненія этого вопроса мы должны войти въ нѣкоторыя подробности касательно правъ, какими въ эпоху гоненій епископы пользовались въ отношеніи къ вѣрующимъ; говоримъ о правахъ епископовъ судить мірянъ въ случаѣ взаимныхъ тяжбъ между послѣдними. Христіане, послѣдуя заповѣди апостола Павла (1 Кор. 6, 1—6) избѣгать судовъ языческихъ, дѣйствительно избѣгали ихъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ судахъ преобладало насилие надъ совѣстію христіанъ: ихъ заставляли здѣсь приносить языческія жертвы, требуемыя римской юрисдикціей. Вслѣдствіе этого епископы сдѣлались естественными судьями христіанъ по ихъ дѣламъ тяжбыннымъ. Апостольскія Постановленія въ подробности знакомятъ насъ съ этимъ третейскимъ или мировымъ судомъ древней церкви. Отсюда узнаемъ, что между христіанами утвердился обычай обращаться къ своимъ епископамъ, какъ къ старѣйшинамъ и представителямъ въ извѣстномъ мѣстѣ,—обращаться для разрѣшенія своихъ споровъ, исковъ и тяжбъ, такъ что судъ епископскій являлся обыкновеннымъ для всѣхъ болѣе важныхъ случаевъ ¹⁾; дѣла менѣе важныя рѣшались пресвитерами и діаконами. Днемъ судебныхъ засѣданій назначенъ былъ второй день недѣли (понедѣльникъ) ²⁾, чтобы въ случаѣ безуспѣшности примиренія тяжущихся сторонъ въ этотъ день, оставалось достаточно времени для окончанія тяжбы до наступленія воскреснаго дня, въ который долженъ царствовать миръ и не должно быть мѣста несогласію.—Въ дикастеріи-или судебномъ помѣщеніи засѣдалъ епископъ, а также пресвитеры и діаконы, въ качествѣ его помощниковъ. Тяжущіяся стороны являлись предъ судомъ лично, согласно предписанію древняго іудейскаго закона; процессъ былъ состязательный и устный. Судья, епископъ, обязанъ былъ выслушать обѣ стороны, безъ чего приговоръ не могъ состояться. При обвине-

¹⁾ Кн. II, гл. 44—45.

²⁾ Тамъ же, гл. 47.

ніяхъ изслѣдовались степень довѣрія и доброе имя обвинителя въ обществѣ христіанъ. Но одни нравственныя качества истца, какъ бы они высоки ни были, не принимались за достаточное доказательство жалобы; нужно было представить двухъ или трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Отъ этихъ свидѣтелей требовалось, чтобы они исполняли свой долгъ безъ гнѣва, скромно и прилично, со страхомъ ответственности предъ Богомъ. Ложные обвинители и клеветники сейчасъ же подвергались наказанію. Язычники не допускались быть свидѣтелями на судѣ епископскомъ. Замѣтить еще должно, что прежде осужденія изслѣдовалась жизнь и репутація обвиняемаго. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ дѣйствій на судѣ, еще до произнесенія приговора, употреблялось посредничество для примиренія сторонъ. Эти обязанности исполняли обыкновенно пресвитеры и діаконы. Въ случаѣ безуспѣшности этого посредничества, епископъ постановлялъ приговоръ, который былъ произносимъ во имя Христа, какъ Верховнаго Судіи ¹⁾. Такимъ-то судомъ епископы судили мірянъ во II и III вѣкѣ. Этому суду подлежало почти рѣшительно все: и прежде всего гражданскіе иски, затѣмъ публичные и общественные проступки, какъ напр. убійство, святотатство и пр. Правила Апостольскія знакомятъ насъ съ тѣми наказаніями, какія налагались на виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи ²⁾.—Этимъ-то судомъ, о которомъ мы говорили, и злоупотреблялъ Павелъ Самосатскій. Онъ выгонялъ съ позоромъ изъ дикастеріи, кто не давалъ ему денегъ, взятки; за деньги оправдывалъ виновныхъ и не оказывалъ справедливости потерпѣвшимъ и невиннымъ.

Есть еще другое преступленіе, въ которомъ обвиняется Павелъ Самосатскій и которое безъ комментарія остается тоже неяснымъ. Вотъ это обвиненіе, о которомъ читаемъ въ томъ же посланіи: „мы знаемъ, что епископъ и все духовенство должны служить образцами для народа во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ; но не безъизвѣстно намъ, сколь многіе, введши къ себѣ женщинъ, пали или подверглись подзрѣнію. Поэтому, пусть онъ (Павелъ) и не позволялъ себѣ

¹⁾ Апостольск. Постановл., кн. II, 47—53.

²⁾ Тамъ же, гл. 47. Прав. Апостольск. 66, 67, 72, 84.

ничего непристойнаго, все же надлежало ему бояться происходящаго отсюда подозрѣнія, чтобы кого нибудь не соблазнить или не увлечь къ подражанію. Ибо какъ будешь на мѣстѣ Павла выговаривать и внушать другому, чтобы онъ былъ остороженъ въ обращеніи съ женщиною, да не погибнетъ по Писанію, когда одну уже отпустивъ, имѣешь—рѣчь обращена къ Павлу — еще двухъ цвѣтущихъ и благообразныхъ и влачишь ихъ съ собою, куда ни пойдешь, пируя и пресыщаясь съ ними“. (Евсев. VII, 30). Вопросъ въ томъ, о чемъ здѣсь рѣчь: о прелюбодѣяннн ли Павла, или о чемъ другомъ? Если о прелюбодѣяннн, то почему такъ нерѣшительно и осторожно говорить соборное посланіе? Чтобы понять сущность дѣла, нужно взять во вниманіе особый обычай, возникшій и существовавшій въ древней церкви. Въ древней церкви весьма рано появились представители аскетической жизни; они отправлялись отъ того положенія, что церковь есть тѣло Христово и слѣдовательно члены церкви должны отличаться высшей чистотой, и потому чуждались брака.—Такія воззрѣнія встрѣчались еще въ концѣ I-го вѣка. Такъ возникли аскеты. Но они не остановились на безбрачїи, какъ позднѣйшіе монахи, а хотѣли разыгрывать роль людей высшаго безстрастія. Для этого они брали къ себѣ на житіе лицъ женскаго пола и аскетическаго направленія, проводили время вмѣстѣ съ этими послѣдними, желая тѣмъ для себя и для другихъ доказать, что ихъ воля настолько крѣпка и неудобопреклонна ко грѣху, что сожитіе съ лицами другаго пола для нихъ неопасно ¹⁾. Такое сожитіе аскеты называли *духовнымъ бракомъ*. Другіе изъ аскетовъ брали къ себѣ на житіе лицъ другаго пола подъ предлогомъ болѣе простымъ и, повидимому, невиннымъ: они говорили, что ихъ домашнія дѣла не могутъ идти правильно безъ женскаго присмотра и заводили себѣ, какъ они выра-

¹⁾ „Мы хотимъ побѣдить діавола и собственныя влеченія“, надменно разсуждали эти аскеты (изъ одного арабскаго церковнаго правила). Въ объясненіе этого явленія могутъ сказать и говорить: „сильныя религіозныя движенія заставляютъ забывать ограниченность человѣческой природы и играть опасностями, предъ которыми въ другихъ случаяхъ обыкновенно отступаютъ. Считали дѣломъ несомнѣннымъ, что каждый христіанинъ въ состояніи побѣдить міръ и его страсти“... Achelis. *Virgines subintroductae*. Ein Beitrag zu 1 Kor. VII Kapit. S. 57. 74. Leipzig, 1902.

жались, *супругъ по духу*. Замѣчательно, извѣстный Тертуліанъ нисколько не порицаетъ этого сейчасъ указаннаго обыкновенія. „Бери себѣ духовную супругу“—говоритъ онъ, но прибавляетъ: „пусть это будетъ лучше вдова, которой красота въ вѣрѣ, приданое въ бѣдности и родовитость въ возрастѣ“. Другими словами: это должна быть вдова пожилая. „Вотъ прекрасный (духовный) бракъ“, восклицаетъ Тертуліанъ; „такихъ женъ можно имѣть даже нѣсколько, замѣчаетъ Тертуліанъ, и сіе пріятно Богу“ ¹⁾. Такъ разсуждалъ кареагенскій учитель. Но бѣда въ томъ, что аскеты старались брать себѣ подругъ не постарѣе, а помоложе, и не чуждались того, чтобы имѣть нѣсколько такихъ подругъ. Такія лица женскаго пола имѣли различныя наименованія, ихъ называли: *γυναικες συνεισάχτοι* ²⁾, (т. е. женщины сводныя) по-латыни—*subintroductae*, а также *ἀγαπηταί, ἀδελφαί*, или *sorores*; самихъ мужчинъ, сожительствующихъ такъ, чаще всего называли: *ἀνδρες συνεισάχτοι*. Указанный обычай встрѣчался и среди еретиковъ, напр. Валентиніанъ, и среди церкви.—Разсмотримъ, въ чемъ выражалось сожитіе аскетовъ съ ихъ духовными подругами—субинтродуктами и къ какимъ слѣдствіямъ вело.

Одинъ изъ раннихъ примѣровъ близкихъ отношеній лицъ аскетическаго направленія, обоего пола, приводится въ извѣстной книгѣ Эрма, „Пастырѣ“, написанной около середины II вѣка. Въ этой книгѣ, въ отдѣленіи „Подобія“, ведется аллегорическій разсказъ о построеніи таинственной башни, въ какомъ дѣлѣ, по разсказу памятника, участвовали пастырѣ, далѣе самъ Эрмъ и дѣвы. Однажды, такъ разсказываетъ авторъ, по окончаніи нѣкоторыхъ работъ въ башнѣ, пастырѣ сталъ уходить, Эрмъ—тоже было хотѣлъ уйти съ нимъ. Но пастырѣ сказалъ ему: „не уходи, подожди, пока я приду“. Эрмъ на это сказалъ: „господинъ, что я буду здѣсь одинъ дѣлать“. „Ты не одинъ“, отвѣчалъ онъ, „всѣ дѣвы съ тобою“. „Господинъ, сказалъ Эрмъ, передай имъ меня“. И онъ позвалъ ихъ и сказалъ: „поручаю вамъ его, пока приду“.

¹⁾ Tertulliani. De exhort. cast., cap. 12.

²⁾ Наименованіе это имѣетъ постыдный смыслъ; таковымъ хотѣли бичевать двусмысленность явленія. Оно стало извѣстно со временъ Павла Самосатскаго и придумано антиохійцами, всегда отличавшимися ядовитостью языка. (Achelis. Virgines subintroductae, S. 11. 69).

Итакъ, я остался одинъ съ тѣми дѣвами, и онѣ были веселы и ласковы со мною, особенно четыре, красивѣйшія изъ нихъ. „Что-же я буду дѣлать“, сказалъ я себѣ. „Буду дожидаться пастыря до вечера, и если онъ не придетъ, пойду домой“. Дѣвы отвѣчали мнѣ: „ты намъ препорученъ и не можешь уйти отъ насъ“. Я сказалъ: „гдѣ же я останусь?“ „Съ нами, говорятъ онѣ, будешь спать, какъ братъ, а не какъ мужъ, ибо ты братъ нашъ, и послѣ мы будемъ жить съ тобою, потому что очень тебя полюбили“. Мнѣ же стыдно было оставаться съ ними, говорить про себя Эрмъ. Но та, которая изъ нихъ казалась первою, обняла меня и начала цѣловать. И другія, увидѣвши, что она обняла меня, сами начали цѣловать меня и играть со мною. Нѣкоторыя изъ нихъ пѣли и водили хороводы. А я молча, но радостно ходилъ съ ними, и казалось мнѣ, что я помолодѣлъ. Наступилъ вечеръ, и я хотѣлъ уйти домой, но онѣ удержали меня. Итакъ, я пробылъ съ ними эту ночь около башни. Онѣ разослали на землю свои тунки и помѣстили меня въ серединкѣ. Наступилъ слѣдующій день. Пришелъ опять пастырь и говорить дѣвамъ: „вы не сдѣлали ему никакой обиды“? (признаюсь, вопросъ нѣсколько неожиданный). Онѣ же сказали въ отвѣтъ: „спроси его самого“. „Господинъ, сказалъ Эрмъ, я получилъ великое удовольствіе отъ того, что остался съ ними“ ¹⁾. Вотъ болѣе ранній примѣръ идиллическаго обращенія аскета съ дѣвами. Очевидно здѣсь начертанъ образецъ, какъ должны жить аскеты съ дѣвами, которые находились съ ними въ духовномъ бракѣ. Но само по себѣ понятно, что идиллія не долго удержалась, и ее смѣнило нѣчто другое. Сказанный обычай привился въ церкви, и конечно не могъ вести ни къ чему хорошему: „огнемъ не шутятъ“. Уже во времена Тертуллиана встрѣчались случаи прискорбные, рекомендующіе съ дурной стороны разсматриваемый обычай. Латинскій писатель кратко въ своихъ извѣстіяхъ; онъ ограничивается замѣчаніемъ: „легко наши братія принимаютъ къ себѣ дѣвъ, и эти дѣвы не только сами падаютъ, но и увлекаютъ другихъ въ грѣхи. Впрочемъ, онѣ не сознаются въ этомъ, если плачъ собственныхъ ихъ дѣтей

¹⁾ Подобіе (Simil.), IX, гл. 10—11.